

ГЛАВА 1

«Татарский лагерь»

В тот май 1832 года весенний Париж выглядел совсем не по-весеннему. Жуткая эпидемия холеры, уже два месяца бушевавшая в столице, опустошила улицы. Страх перед заражением заставлял людей безвылазно сидеть по домам. Состоятельные граждане и вовсе сбежали в свои загородные поместья. Большинство торговых заведений закрылись, а те, что еще работали, устроили строжайший контроль на входе и донимали редких посетителей проверками самочувствия. Дела шли в гору только у изготовителей гробов и саванов. Всеобщую нервность усугубляли ходившие по городу безумные слухи, один фантастичнее другого, поскольку доподлинно о болезни почти ничего не было известно.

Вся эта ядовитая атмосфера, похоже, ничуть не волновала троих друзей, наслаждавшихся в это воскресенье чудесной послеполуденной погодой на террасе кафе «Пескарик» у пересечения улицы Вивьен с бульваром Монмартр. Двое из них, судя по томным взглядам и по тому, как они то и дело брались за руки под столом, безо всяких сомнений, являли собой влюбленную парочку.

Молодой человек был в ладно скроенной, но поношенной одежде, слегка лоснившейся на сгибах. Бравый вид и воинственно закрученные кверху усы не мешали заметить в его облике что-то мечтательное, мальчишеское. Шелковистые волосы слегка завивались на затылке, в ласковых глазах на пригожем лице время от времени мелькала лукавая искорка — он был из тех неунывающих жизнелюбов, которые мгновенно притягивают к себе симпатию, как магнит железные опилки. В свои двадцать три Самсон Дерош служил посыльным, а попросту мальчишкой на побегушках у стряпчего с улицы Шатле, но мечтал стать знаменитым живописцем. Он восхищался Делакруа, презирал Энгра¹, которого величал не иначе как «старым пижоном», и в досужие часы сотрудничал с журналом «Артист»². В общем, завершая набросанный на скорую руку словесный

¹ Эжен Делакруа (1798–1863) и Жан Огюст Доминик Энгр (1780–1867) — французские живописцы и графики. Делакруа — один из самых известных представителей романтизма, Энгр — важная фигура европейского академизма.

² «Артист» («Человек искусства») — еженедельный иллюстрированный журнал, посвященный вопросам искусства и выходивший в Париже с 1831 по 1904 год; в нем публиковались Эжен Делакруа, Теодор де Банвиль, Шарль Бодлер, Теофиль Готье, Александр Дюма, Жерар де Нерваль, Шарль Нодье и др.

портрет, можно добавить, что это был приятный юноша, неопытный во всем, довольно ленивый и немного нахальный, но означенные недостатки восполнялись в нем обаянием с примесью озорства.

Его дамой сердца была хорошенькая блондинка лет двадцати с дерзким личиком бунтарки, не менее жизнерадостная и общительная. Однако за ее игривой внешностью скрывался твердый характер. Мари-Рен Гендорф трудилась белошвейкой неподалеку от площади Руаяль и была убежденной сторонницей движения за эмансипацию женщин, которое с приходом к власти Луи-Филиппа¹ распространялось все шире. Поначалу Мари-Рен увлекалась идеями сенсимонистов², но порвала с ними в конце прошлого года, когда вожди этого движения, все как один мужчины, начали чинить препоны в продвижении своих сторонниц — женщин — на лидерские позиции. С тех пор Мари-Рен вместе с еще одной подругой из числа активисток, Дезире Вере, самоотверженно посвятила себя новому масштабному проекту — изданию первой газеты, для которой будут писать только женщины³.

¹ Луи-Филипп (1773–1850), герцог Орлеанский, представитель младшей ветви династии Бурбонов, был возведен на французский престол в результате так называемых Трех славных дней — либеральной Июльской революции 1830 года, покончившей с консервативным режимом Карла X (1757–1836), представителя старшей ветви Бурбонов, который после этого отправился в изгнание. Весь период правления Луи-Филиппа, с 1830 по 1848 год, принято называть Июльской монархией.

² Сенсимонисты — последователи французского социалиста-утописта Клода Анри де Рувруа, графа де Сен-Симона (1760–1825).

³ Дебютный выпуск этой газеты действительно вышел в августе 1832 года под названием «Свободная женщина»; в дальнейшем газета была переименована в «Женскую трибуну» и стараниями активисток из ассоциации «Новая женщина» издавалась до апреля 1834 года. — *Примеч. авт.*

Третья участница компании за столиком на террасе кафе была постарше, но совсем ненамного. Пикантной брюнетке с восхитительными формами, одухотворенным лицом и огромными золотисто-кариими глазами недавно исполнилось двадцать четыре. Она была неотразимо обольстительна, при этом в ее манере держаться не чувствовалось и намека на жеманство, а в каждом жесте угадывалась кипучая энергия. Бывшая актриса с бульвара Преступлений¹ Аглаэ Марсо отныне находила применение своим многочисленным талантам в несколько неожиданной для представительницы слабого пола сфере деятельности. Она стала первой женщиной, официально нанятой в качестве сотрудницы одного из подразделений Префектуры полиции — заведения, надо сказать, весьма в этом плане консервативного. Впрочем, Бюро темных дел, куда она поступила на службу, разительно отличалось от остальных полицейских бригад. Оно было основано два года назад по инициативе тогдашнего префекта полиции специально для раскрытия самых таинственных преступлений, имеющих, на первый взгляд, налет сверхъестественного и бросающих вызов человеческому разуму. Что касается начальника Бюро темных дел, инспектора Валантена Верна, то этого молодого состоятельного денди, получившего прекрасное образование в области естественных наук, уж никак нельзя было назвать ни консерватором, ни конформистом, особенно по сравнению с другими полицейскими его эпохи.

Сейчас две амазонки, нимало не заботясь о рамках, в которые общество вечно норовило загнать таких, как

¹ Так называли бульвар Тампль, где в те времена было много театров, ставивших популярные у парижской публики криминальные мелодрамы.

они, беспечно сплетничали и болтали на тему, самую что ни на есть подходящую для столь юных и очаровательных особ, а именно о любви.

— Ну наконец-то! — возликовала белошвейка, ничуть не смущаясь тем, что ее могут услышать за соседними столиками. — Значит, твой Валантен все-таки решился ступить в запретный сад и сорвать цветок, который ты уже отчаялась ему когда-нибудь преподнести!¹

— Да тише ты, бесстыдница! — шикнула на нее Аглаэ, разыграв оскорбленную невинность, хотя ее так распирало от новообретенного счастья, что хотелось поделиться им с целым миром. — О таких вещах не орут на всех улах. Давай лучше поговорим о вас с Самсоном. Вы правда решили отпраздновать помолвку в ближайшее время?

Мари-Рен подтолкнула своего кавалера локтем, и они обменялись заговорщическими взглядами.

— Этот негодник не хотел брать на себя никаких обязательств, пока не найдет работу поприличнее! Но ты же меня знаешь, Аглаэ: я доходчиво объяснила ему, что, если у него жалованье меньше, чем у будущей супруги, в этом нет ничего постыдного. Так или иначе, времена нынче такие, что, когда счастье само стучится в дверь, надобно хватать его и никуда не отпускать. Проклятая холера может наброситься на тебя в любой момент — моргнуть не успеешь, как окажешься на том свете. И кстати, не зря эту болезнь называют «убийцей кавалеров»!²

¹ См. роман «Ночи „синего ужаса“» того же автора. — *Примеч. ред.*

² Такое название возникло потому, что от холеры часто умирали молодые мужчины. Еще ее называли в народе «синим ужасом», поскольку терминальная стадия сопровождалась цианозом (посинением кожи и слизистых оболочек). — *Примеч. авт.*

— Мы решили собрать всех наших друзей на следующей неделе в кабачке «Пэр-ла-Тюиль», в Батиньоле¹, — сказал Самсон, одарив возлюбленную блаженной улыбкой.

Аглаэ, которую переполняло собственное счастье, не могла не порадоваться и за подругу, тоже нашедшую себе пару. С тех пор как они познакомились, Мари-Рен, вопреки своему стремлению к независимости, а может, и благодаря ему, имела досадную привычку влюбляться направо и налево, крутила романы с каждым подвернувшимся красавчиком. Выходные она проводила в кабаках на парижских заставах, где плясала от зари до зари, забывая обо всем на свете и меняя кавалеров как перчатки. Аглаэ не раз предупреждала ее об опасных последствиях такого фривольного поведения — ведь рано или поздно, при ее склонности очаровываться пустозвонами и краснобаями, Мари-Рен могла попасть в лапы какому-нибудь сутенеру. Поэтому теперь, при известии о скорой помолвке подруги с Самсоном, бывшая актриса вздохнула с облегчением. Возможно, никто бы не назвал этого молодого человека выгодной партией, но он был милым и казался искренне влюбленным в свою прекрасную белошвейку.

— Конечно же, вы тоже приглашены на торжество, ты и твой легендарный Валантен! — добавил Самсон, со звоном коснувшись своим бокалом бокала Аглаэ. — Мы без вас никак не обойдемся. Я пока не имел чести познакомиться с ним лично, но у меня уже такое впечатление, будто я его хорошо знаю, потому что Мари-Рен

¹ Батиньоль — во время действия романа деревня в северо-западном парижском предместье; с 1859 года — часть Парижа.

без умолку о нем болтает. И представь себе, она так его расхваливает, что я уже задумываюсь, не начать ли мне ревновать!

— Что за глупости! — Мари-Рен хотела изобразить возмущение, но не выдержала и расхохоталась. — Ладно уж, Аглаэ, этот негодник в любом случае сказал чистую правду: мы очень ждем вас обоих. Теперь, когда газетчики перестали трубить о подвигах твоего красавчика-инспектора на каждом углу, его, должно быть, уже не каждый вечер зовут на великосветские приемы, а стало быть, он согласится выкроить время для нашей скромной компании, хотя я отлично понимаю, что мы ему не ровня.

Аглаэ тотчас заверила ее, что Валантен — человек без предрассудков, и пообещала, что они оба с удовольствием придут в кабачок «Пэр-ла-Тюиль», чтобы порадоваться за своих друзей. В глубине души она знала, что привести туда Валантена будет не так уж просто, но это все же был отличный повод положить конец затворничеству, в которое он ушел в последнее время.

Три недели назад Бюро темных дел прославилось раскрытием серии кровавых убийств в бедняцком квартале Сен-Мерри — жертвами преступников стали несколько известных членов Санитарного комитета. В итоге инспектор Верн, вопреки собственной воле, обрел громкую известность, и начальство предъявило его репортерам как образец современного полицейского — неподкупного, компетентного, блистательно образованного, в том числе в области естественных наук. Тот факт, что в Префектуре полиции Валантен всегда держался особняком и слыл белой вороной, не умерил начальственного пыла и жажды общения с прессой. Вышестоящие попросту

увидели хороший повод показать, что правительство Казимира Перье¹ уверенно стоит на страже порядка, располагает необходимыми ресурсами и употребляет все силы для проведения своей политики.

Столь пристальный интерес, внезапно возникший к его персоне, Валантена скорее удручал, чем радовал, — будучи человеком замкнутым, он не любил находиться в центре внимания. К этому добавлялись личные переживания по поводу недавнего открытия, касавшегося его истинного происхождения и некоторых событий из прошлого. Означенное открытие стало для него изрядным потрясением, и, когда буря эмоций немного улеглась, молодой полицейский заперся в своей «башне из слоновой кости» — уединился в великолепных апартаментах на улице Шерш-Миди, где он мог предаваться ученым штудиям и проводить заумные химические опыты. И вот теперь Аглаэ решила, что пора бы уже немного привести его в чувство. Она надеялась, что Валантен прервет свое затворничество и начнет вести более светский образ жизни в окружении современников.

От размышлений на эту тему ее отвлек металлический скрежет омнибуса, катившего мимо по мостовой, — подобные транспортные средства фирмы «Фаворит» курсировали между Монмартром и улицей Гоблен. Сейчас там было меньше дюжины пассажиров — верный признак того, что страх перед эпидемией холеры пока еще не собирался ослабевать в городе. Провожая

¹ Казимир Перье был председателем Совета министров и возглавлял так называемую партию сопротивления — наиболее консервативных сторонников Луи-Филиппа, стремившихся положить конец нестабильности в обществе и подавить беспорядки, которые регулярно вспыхивали в столице со дня восшествия на престол нового монарха. — *Примеч. авт.*

взглядом этот медленно удалявшийся массивный экипаж, запряженный тройкой лошадей, Аглаэ заметила молодого человека, целеустремленно шагнувшего по направлению к террасе кафе «Пескарик» и махавшего им рукой.

Незнакомец — брюнет лет двадцати пяти, элегантно одетый, с завитыми волосами и ухоженной бородой — приблизился к их столику, снял шляпу, приветствуя обеих девушек, и крепко пожал руку Самсону.

— Мне издалека показалось, что ты сидишь на террасе, но я не сразу поверил своим глазам, ибо откуда рядом с тобой взяться столь очаровательным особам! — весело сообщил незнакомец и шутливо подмигнул Аглаэ и Мари-Рен: — Право слово, я не привык видеть этого охламона в таком приличном и ослепительно прекрасном обществе!

— Не слушайте его! — возмутился Самсон, одновременно жестом приглашая бородача за их столик. — Он просто завидует! Дамы, позвольте вам представить: Феликс Арвер, сын виноторговца, младший клерк у мэтра Гийе-Дефонтена, нотариуса.

Означенный Арвер галантно поклонился, игриво поглядывая на дам, и добавил:

— Работаю я исключительно ради жалованья, и этот негодник должен был сказать, что ваш покорный слуга — прежде всего поэт. А будучи таковым, я восприимчив к красоте во всех ее проявлениях, что заставляет меня воздать должное и вам, о, прекрасные незнакомки.

— Феликс уже сочинил два водевиля, чем снискал себе благосклонность публики в некоторых скромных театрах, — поведал Самсон. — Как все люди искусства, он преклоняется не просто перед женщинами, а перед

Женщиной с большой буквы. Тем не менее, когда ему случается снизойти на землю из высших эфиров, он превращается в довольно приемлемого компаньона. И раз уж наша бедная Аглаэ в данный момент осталась без пары, мы могли бы пригласить его присоединиться к нам. Что скажете, дамы?

Аглаэ, которой это предложение касалось напрямую, не успела и рта раскрыть, а Мари-Рен со свойственным ей озорством и энтузиазмом уже выразила согласие и за себя, и за подругу.

Феликс Арвер незамедлительно пододвинул к их столу еще один стул и устроился рядом с Аглаэ — так близко, что касался ее коленом под столом. Бывшей актрисе не понравилось, что ей так бесцеремонно навязали кавалера, но, с тех пор как Бюро темных дел закончило последнее расследование, это был ее первый выход в свет, и девушке не хотелось лишать себя удовольствия от общения с Мари-Рен и ее обаятельным женихом. Так что она постаралась не выдавать своего недовольства, мысленно пообещав себе, однако, что впредь не оставит Валантену выбора и он будет сопровождать ее всякий раз, когда ей придет блажь немного развеяться.

— Еще и пяти нет, — заметил Самсон, когда они немного перекусили. — Что будем делать, пока не открылись пригородные кабаки, где можно вдоволь поплясать?

— Как насчет Кабинета восковых фигур Курциуса¹ в галерее Пале-Руаяль? — спросила Мари-Рен. —

¹ Филипп Курциус (1737–1794) — швейцарский врач и скульптор, создававший статуи из воска; у него училась искусству лепки Мари Грошольц, будущая мадам Тюссо. Кабинет восковых фигур Курциуса в Париже, пользовавшийся большой популярностью, упоминается в произведениях Оноре де Бальзака, Шарля Бодлера, Теофила Готье.